

никогда не выдвигался на первый планъ, не рисовался, и не „игралъ“, такъ сказать, „роли“, какъ и вообще не любилъ и нетерпѣлъ всякихъ внѣшнихъ эффектовъ; непримиримый и заклятый врагъ всего ходульнаго и фальшиваго, онъ всегда и для всѣхъ былъ воплощеннымъ олицетвореніемъ преданности своему долгу безъ всякой показности, былъ неизмѣннымъ образцомъ законности, порядка, усердія и служенія по совѣсти, находящими себѣ удовлетвореніе и награду въ нихъ самихъ. И вотъ такого-то человѣка вдругъ не стало! Извѣстіе о неожиданной и безвременной кончинѣ (С. Н. [Виноградова]) полученное изъ Москвы, гдѣ покойный находился на излѣченіи отъ тяжелой болѣзни — „сильнаго нервного расстройства съ характеромъ угнетенія“, — какъ громомъ поразила его родныхъ, училищную корпорацію и его питомцевъ, которые, при первомъ извѣстіи о его кончинѣ, выразили свою дѣтскую горячую привязанность и глубокую любовь и признательность къ столь драгоценному и рѣдкому воспитателю-учителю неудержимыми рыданіями и истерическимъ плачемъ... Жаль, погибла хорошая жизнь! И училищная корпорація озадаченная и пораженная неподдѣльнымъ изумленіемъ, глубоко скорбитъ и искренно-горячо сожалеетъ о постигшей ее въ лицѣ покойнаго утратѣ.

Миръ праху твоему, добросовѣстный и образцовый труженникъ! Вѣчная и незабвенная память тебѣ отъ твоихъ сослуживцевъ, питомцевъ, присныхъ и знакомыхъ!

Рѣчь надъ гробомъ помощника смотрителя Вольснаго духовнаго училища С. Н. Виноградова, произнесенная въ зданіи училища послѣ панихиды См. учил. Г. Поповымъ.

Дорогой собратъ нашъ Стефанъ Николаевичъ! Что сказать тебѣ въ минуты послѣдняго прощанія?... Добрѣ, рабе благій и вѣрный: о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ

многими ты поставлю: вниди въ радость Господа Твоего... (Матѣ. XXV, 21).

Страшно умирать человѣку, который чувствовалъ себя вполне созрѣвшимъ для дѣятельности общественной, — умирать, притомъ, оставляя дорогихъ близкихъ сердцу, которымъ самоотверженно отдана была вся жизнь!... А сколько томленій, страданій вынесъ онъ несомнѣнно въ этотъ годъ, — въ эти мучительные для него мѣсяцы и особенно въ послѣдніе дни, когда телесныя и душевныя силы неожиданно для него самого стали ему измѣнять и совершенно терять свое равновѣсіе?... При всей покорности воли Божіей, какую только могъ имѣть С. Н., скорбь, плачь и угнетенное состояніе духа, безпросвѣтная тоска и томленіе сердца прилагали болѣзнь къ болѣзни въ его ужасномъ недугѣ и были для него самого предвѣстниками бури, сломившей теперь, столь завидный прежде, полный жизни и здоровья организмъ. Теперь уже печаль гробового покоя легла на помутившееся и застывшее отъ страданій чело его; теперь уже взволнованное сердце не бьется въ сдавленной груди его....

И такъ, грянулъ часъ смертный и — не стало дорогого всѣмъ намъ человѣка!... И только въ приведенныхъ словахъ Спасителя найдемъ мы утѣшеніе въ такомъ общемъ великомъ горѣ нашемъ... Вѣрность въ маломъ — вотъ она во всемъ увлекательномъ блескѣ своемъ великая заслуга почившаго собрата нашего. Вѣрность своему священному долгу, къ которому опредѣлилъ его Владыка талантовъ человѣческихъ. Онъ былъ рабъ Господа — христіанинъ-человѣкъ подвига и въ то же время живой образецъ скромности. Для него именно и именно для него не могло быть и никогда не было мелочей въ жизни, и каждое слово свое и каждую частность дѣла своего онъ мыслилъ въ чувствѣ великой отвѣтственности передъ

Богомъ и потому сдѣлалъ безъ сомнѣнія много, очень много добра. И вотъ теперь начальники, сотоварищи и питомцы, всѣ, кто только зналъ его, воздаютъ доброму и усердному дѣлателью искреннѣйшую дань высокой любви, глубокаго уваженія и самой трогательной благодарности.

„Тысяча устъ повторяютъ: это былъ достойнѣйшій учитель—воспитатель и полезнѣйшій общественный дѣятель“! Это не наши слова, но они такъ и дороги намъ теперь, потому что такъ наглядно вѣрны! Въ этомъ голосѣ столь многихъ свидѣтелей святыни Божія дѣла,— всѣхъ кто могъ знать нашего новопреставленнаго раба Господня,—въ этомъ единодушномъ признаніи его высокаго достоинства, его заслугъ великихъ, по указанію Евангелія, намъ слышится теперь явно гласъ Божій: „добрѣ благій и вѣрный рабе:... вниди въ радость Господа Твоего“... А тамъ—вдали отъ жизни нашей будутъ выростать и созрѣвать посѣянные имъ сѣмена истины, добра и правды и,—много вѣнковъ будетъ прилагаться къ этимъ нашимъ вѣнкамъ: отъ сослуживцевъ товарищей и отъ бывшихъ учениковъ.

Тяжело намъ терять столь прекраснаго человѣка, но уже та истина, что это былъ человѣкъ высокопочтенный—утѣшительная истина. Воспоминанія о такихъ личностяхъ, чистыхъ и истово благородныхъ—пріятныя воспоминанія: они умѣряютъ страшную горечь потери ихъ. Прекрасная память о почившемъ и да будетъ намъ утѣшеніемъ...

А что же о семьѣ осиротѣвшей?... Что сказать ей? Что сказать вообще объ остальныхъ семьяхъ такихъ выдающихся въ обществѣ нашемъ людей, какъ ученые и учителя, жизнью жертвующіе для распространенія свѣта знаній, мыслей и чувствъ?... Конечно, ничего не

можетъ быть сказано, кромѣ утѣшительнаго. Блаженъ, иже обрѣте мудрость, и повѣдаяй во уши слушающихъ:... коль великъ, иже мудрость обрѣте.. въ руцѣ Господни благое шествіе мужа сего, и на лицѣ книжника возложить славу свою, говоритъ мудрый учитель — Библейскій педагогъ Сирахъ (Сир. XXV, 12 и 13; X, 5). Вотъ чѣмъ утѣшайтесь! Ибо тутъ то именно, въ этихъ словахъ, ощущается непреложная истина награждающей Правды Божіей, высоко поднимающая среди обыденныхъ людей значеніе руководителей молодого поколенія.

И пусть и осиротѣвшая семья внимаетъ среди этой бѣри, разразившейся надъ нею, слову Самаго Господа, какъ нѣкогда слышали Его Апостолы среди бури морской: держайте: Азъ есмь не бойтеся! (Матѣ. XIV, 27). Это я — непостижимый Богъ Любви взялъ его... Ибо безъ воли Его, по Его слову, и волосъ не пропадаетъ съ человѣческой головы (Матѣ. XI, 29 — 31; Лук. XII, 6 — 7; дѣян. апост. XXVII, 34)... И чувствуется намъ, всѣмъ сошедшимся на скорбь сію, какъ бы голосъ непреложной истины: „не могутъ быть оставлены, будутъ воспитаны и устроены дѣти того, кто съ отеческою сердечностію и съ такимъ заботливымъ усердіемъ и даже самоотверженіемъ служилъ чужимъ дѣтямъ!—Это не только предметъ желаній и молитвъ, но и непреложный законъ природы“.

Удержимся же отъ воплей и стоновъ надъ этимъ рѣдкимъ гробомъ! Здѣсь нужна молитва вѣры и надежды; здѣсь мрачныя мысли недолжны имѣть мѣста и омра-

чать свѣтлыя Евангельскія чувства, которыми была полна душа почившаго.

Будемъ же молиться усердно о немъ и заботиться никогда не забывать его въ своихъ молитвахъ, дабы Господь Богъ упокоилъ его въ селеніяхъ праведныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Г. Поповъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ. Восемь поученій о миссіонерскомъ дѣлѣ. (Окончаніе).—Архіерейскія служенія.—Краткосрочные педагогическіе курсы для учащихъ школъ грамоты въ д. Нееловѣ Саратовскаго уѣзда.—Некрологъ.—Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, протоіерей П. Извѣковъ.

Дозволено цензурою, Саратовъ, 31 января 1899 года.

Цензоръ, протоіерей М. Соколовъ.

Саратовъ. Типографія Губернскаго Земства.